

„Unsere Welt“ * Illustriertes Sonntagsblatt der russischen demokratischen Tageszeitung „Rul“

2 Press Photo News Service.

Очередныя совѣтскія демонстраціи по наряду. Наверху „заказъ“ по случаю скандала въ берлинскомъ торгпредствѣ, внизу открытіе памятника Воровскому.

Востокъ.

Кобылица.

Я снялъ узду, сѣдло — и вольно
Она метнулась отъ меня,
А я склонился богомольно
Предъ солнцемъ гаснущаго дня.

Она взмахнула легкой гривой
И, ноздри къ вѣтру обративъ,
Съ тоскою нѣжной и счастливой
Кому то страстный шлетъ призывъ.

Едины Божіи созданья,
Благословенъ Создавшій ихъ
И совмѣстившій всѣ желанья
И всѣ томленія — въ моихъ.

Казбекъ.

Стѣна горы — до небосвода,
Внизу голышъ, шумитъ ручей.
Я наюю коня у брода
Подъ дымной саклею твоей.

На ледяномъ Казбекѣ блещетъ
Востока розовый огонь.
Бьетъ по водѣ, игриво плещетъ
Копытомъ легкимъ потный конь.

Луна.

Чалма на мудромъ — вотъ луна
Съ ея спокойствіемъ могильнымъ.
Луна свѣтла и холодна
Надъ Акъ-Сараемъ, жаркимъ, пылкимъ.

Взойди на кровлю и взгляни:
Подъ ней и горы въ небѣ чистомъ,
И наши блѣдные огни
Въ гнѣздѣ туманномъ и скалистомъ.

Она смирила шумъ дневной:
Умолкъ и торгъ, и ревъ ослиный
Подъ этой пыльной бѣлизной,
Подъ серебристой паутиной.

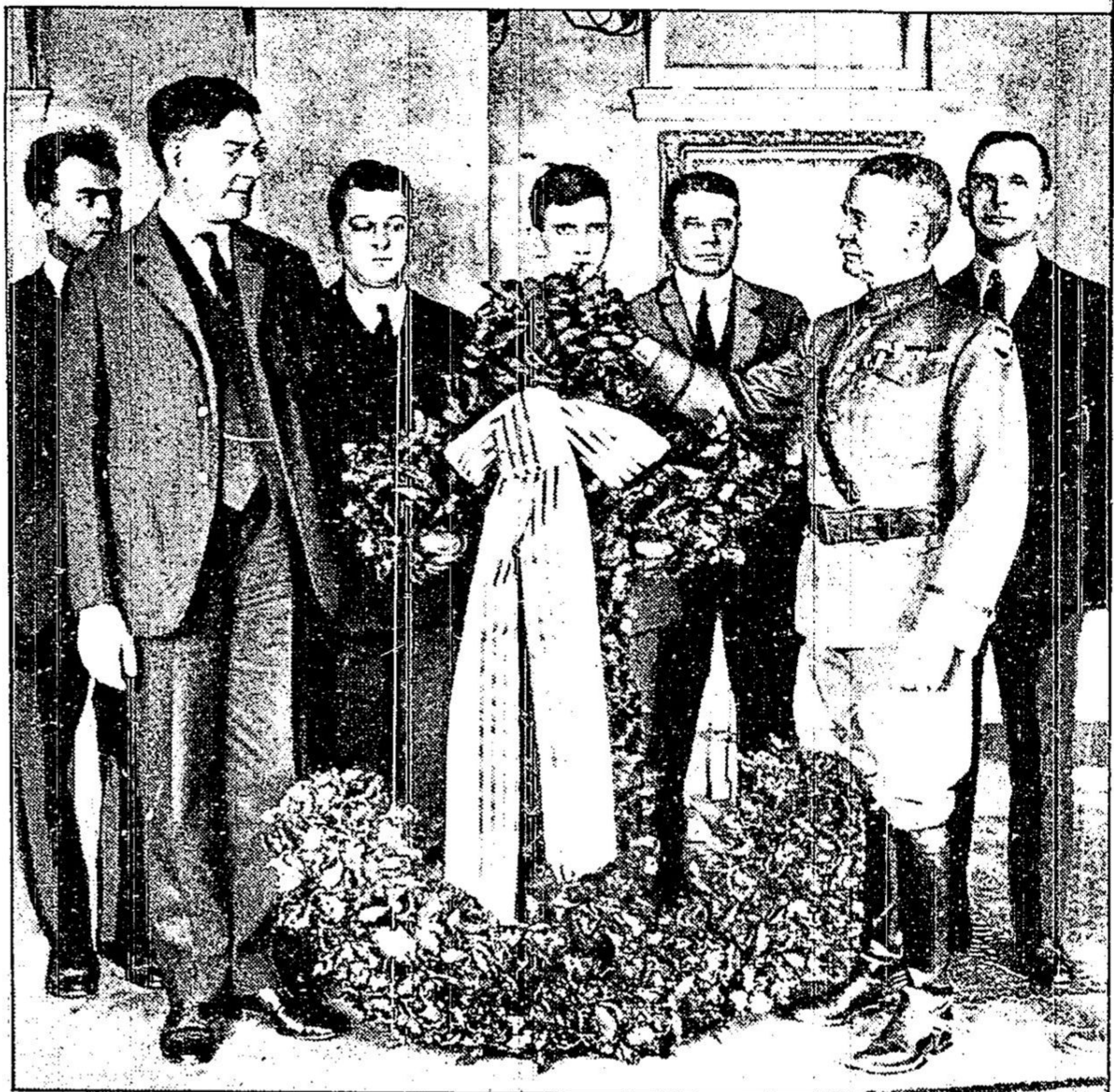
Въ выси далекой Божій рай
Горитъ, алмазами играя,
И лишь одинъ собачій лай
Смуцаеть полночь Акъ-Сарая.

Миражъ.

Пустыня въ тускломъ жаркомъ свѣтѣ,
За нею розовая мгла:
Тамъ минареты и мечети,
Ихъ росписные купола.

Тамъ шумъ рѣки, базаръ подъ сводомъ,
Сонъ переулковъ, тѣнь садовъ —
И, засыхая, пахнутъ медомъ
На кровляхъ лепестки цвѣтовъ.

Ив. Бунинъ.

Presse Ill. Verlag.

Гигантскій вѣнокъ-якорь,

который американскіе моряки бросаютъ въ море въ память погибшихъ товарищей

Фіалки.

(Изъ цикла «Сказокъ Жизни».)

Памяти проф. Д. Н. Кайгородова.

Въ Петербургѣ.

Дохнуло весной, дохнуло откуда то съ юга, — не то съ озера Ильмень, не то съ Новгородскихъ лѣсовъ, — и снѣгъ ослабѣвшій и рыхлый за недѣлю исчезъ и

вмѣсто него смѣются въ просѣкахъ вѣшнія воды и сверкаютъ на солнцѣ точно осколки большого разбитаго зеркала.

А кусты и деревья отъ волненія зардѣлись и въ пахнущихъ ладономъ почкахъ затаили уже живой изумрудъ. Дыханіе съ юга ихъ тронуло тоже: развѣяло сны, вопѣнило соки и сдѣлало близкой желанную радость. И ждутъ они жадно, когда могутъ окутать короны зеленой вуалью, когда могутъ опять говорить на своемъ непонятномъ для насъ языкѣ...

Навстрѣчу веснѣ, точно робкая стала голубокъ, уже крадутся съ сѣвера бѣлыя ночи и вся обернувшись въ жидкій хрусталь колдуетъ Нева, а яркія, алыя зори купаются въ водахъ, развѣсивъ по небу блестящія ризы...

И самъ Петербургъ уже сдѣлался новымъ, весеннимъ, другимъ.

Невскій проспектъ нарядился и бойкій сталъ похожъ на ребенка, котораго уже не догонитъ ворчливая нянька-зима.

А въ Гостиномъ Дворѣ начался паръ безъ вина и гусяровъ.

Въ Лѣтнемъ Саду сторожа убираютъ ковры. Ихъ осень искусно соткала изъ листьевъ, но идя на покой забыла подъ снѣгомъ. Тамъ за чугунной рѣшеткой слова прыгаютъ дѣти и кружатся возлѣ любимаго блага дѣдушки.

Ожило и Марсово Поле — этотъ огромный и ровный какъ скатерть царственный лугъ. Обскачешь его и мыломъ покроется конь, пѣшкомъ обойдешь и потомъ отдыхать надо полъ дня. Тамъ учатъ солдатъ: и люди одиночки, и цѣпи, и съ ружьями взводы, и цѣлыя роты похожи на фигурки изъ витринъ магазина.

Праздникъ Вознесенія.

Крестный ходъ вокругъ церкви Вознесенія въ Баваріи.

Phot. Gircke.